

«Пишу о людях и для людей...»

К 80-летию писателя Сергея Багрова

8 января исполнилось 80 лет известному прозаику, одному из ветеранов Вологодской писательской организации Сергею Петровичу Багрову. Его повести, рассказы, эссе, публицистика, очерки, проза для детей получили заслуженное признание читателей. Багров — друг Николая Рубцова, написавший о нём книгу «Россия. Родина. Рубцов». В областной библиотеке состоялся творческий вечер юбиляра. Накануне с ним побеседовал наш корреспондент Геннадий Сазонов.

— Сергей Петрович, как начался ваш путь в литературу и о чём была первая книга?

— Слишком много было впечатлений от начала самостоятельной жизни. Держать их в себе? Нет. Решил выразить с помощью пера и бумаги. Сначала через дневник, потом — через стихи. Позднее стал описывать то, что на меня очень сильно действовало. Так постепенно я пришёл к очеркам и рассказам. Любил встречаться со стариками, у кого позади не только своя жизнь, но и история страны. Тем паче язык у жителей лесных посёлков, колхозных сёл, деревенек и хуторков, как Вологодской, так Пермской и Архангельской областей, где я постоянно бывал, очень своеобразный. Было чему у них поучиться. Я и учился. Первую книжку свою «Колесом дорога» писал про них и для них, благо понял: старики — это наша история. Особенно, если она коснулась 1918 года, когда главной бедой были человеческие потери. Отсюда великий вопрос: от кого мы пошли? От самых ли сильных? От самых ли слабых? Мой ответ: от тех, кто в те дни уцелел. На этот вопрос я отвечал, наверное, всю свою жизнь. Потому что знаю истину: нас спасёт от всяких невзгод только родная земля.

— Вы чувствуете себя причастным к Вологодской литературной школе? Что думаете о ней? Сохраняют ли нынешние вологодские писатели традиции?

— Вологодская литературная школа. Она, конечно, была. Может быть, и сейчас есть. Но не думаю, чтобы школа могла породить лучших писателей и поэтов. Тот, кто в школе, ориентируется на более одарённых, на своих учителей и прославившихся любимцев. А это лишает самостоятельности. Лишает дерзости и способности к самовыражению. Хочется быть таким, как, скажем, Астафьев, Рубцов, Белов, Фокина. А где же ты сам? Твоё божество? Твоя превосходящая всех и всё литературная смелость? Если ты не бесстрашен и допускаешь робость и осторожность, то и живёшь как писатель ограниченный срок.

Я полагаю, талант должен определяться не школами, не союзами, не дружным кланом единомышленников, а временем. Книга, если живёт столько, сколько и сам писатель, обречена на забвение. Век её должен быть долгим. Она обязана пережить сочинителя. Примеров этому тьма. Один из них — Николай Рубцов. Стихам его за 60 и более лет. А они свежи, и читаешь их, как в первый

раз. Можно ли относить Рубцова, Белова, Астафьева, Фокину к какой-нибудь школе? Вряд ли. Они без неё достаточно оригинальны, читаемы и самобытны.

Однако школа сплачивает в чём-то едином. В патриотизме. Верности Родине. В стоянии против сил, разрушающих явно и тайно нашу страну. В этом у школы — главная сила.

— Вы родились в древней Тотьме, там же учились в техникуме, работали в старинном Белозёрске, окончили университет в Перми, много ездили по России. Как это отразилось в творчестве?

— Тотма — моя любовь. Главным образом, из-за детства. Возвращаюсь в него постоянно. Возвращаюсь и в белозёрские леса, где впервые начал работать. Всё, что в первый раз — то и значительно. И хочется выразить это особенными словами. В первый раз — это и риск, и надежда, и какой-нибудь грех, и обязательное желание стать во многом лучше, чем ты сейчас есть. Учёба в Перми в университете, к сожалению, не обогатила меня ничем. Наверное, и без неё я был бы таким, какой есть. Обогащение же духовное, а вместе с ним и взросление подарили мне всевозможные передвижения. Будь-то в отрогах Тянь-Шаня, в пермских ли ельниках или на вологодских просёлках — всюду они готовили для меня непредсказуемые встречи. Они и стали главными поставщиками сюжетов ещё ненаписанных рассказов и повестей. Десятки блокнотов передо мной. А в них — трепещущие слова многоголосого русского стана. Словно сама Россия глядит на меня с пожухлых страничек. И я, как затерянный странник, опять ощущаю себя в дороге, которой иду не спеша к чуть теплеющему закату, словно к алому лебедю, опустившемуся в лугах.

— Читатели знают вас и как прекрасного детского писателя. Почему вы стали писать для детей? Продолжаете сегодня?

— Ещё в дошкольные годы, когда шла война с фашистской Германией, я с друзьями-малолетками любил изображать Гельму с Гитлером. Для нас это было очень необходимо. Благо, верили мы в силу добра, в справедливость, в то, что Гельму будут посправлены. Любил петь частушки, которые обещали сытую жизнь.

Коль вороной,
Белье копыта.

Скоро Гитлера убьём —
Поедим досыта...

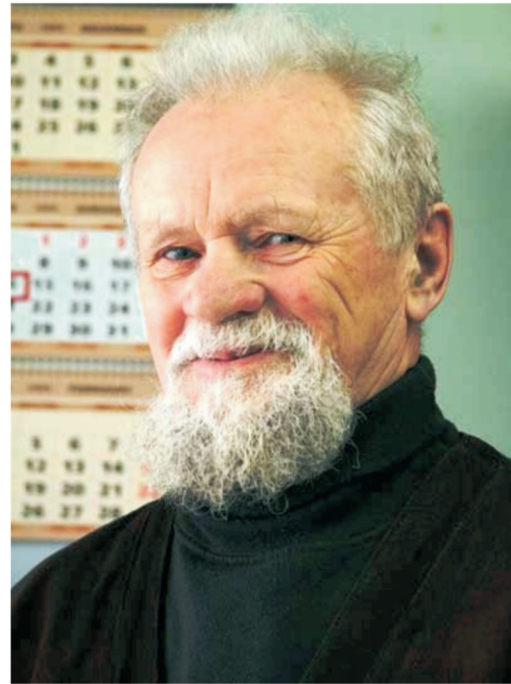
Оттуда, из детства, меня постоянно лютят цепкие руки. Видимо, это от сильного притяжения к тому времени, в котором осталось главное ребяческое богатство — искренний смех, игры, резвость и бесшабашность. Возвращаясь в детство, наполняешь себя мечтой — быть таким, каким ещё не бывал. Картины того времени волнуют. Хочется передать и то, как летишь с мартовской крыши в снег. И то, как впервые плывёшь за реку с надеждой вернуться назад и не утонуть. Всё то, что было опасно, притягивало к себе. Даже поход в нежилой посёлок, где обитают пришедшие из смоленских лесов дикие свиньи, несмотря на огромный риск, был для меня соблазнительным. Приключения. Изумления. Открытия новых миров... Полагаю, писателю выдумывать что-то особенное необязательно. Стоит лишь вспомнить минувшее, давности милой поры. Сколько было всего! Наверное, поэтому я и решил в прошлом году написать рассказы о странствиях сорванцов. О наших дорогах туда, куда родители не пускают.

— Что вы думаете о нынешнем состоянии русской литературы?

— Положение непростое. Нет негласного капитана, каковым в своё время были и Рубцов, и Белов, и Распутин, и Кузнецов. Но это не значит, что наступила пора литературного прозябания, что на рынок будут выходить лишь заурядные книги. Убеждён, есть немало высокохудожественных произведений, которые хоть и дошли до прилавка, но авторов их читатель не знает. А надо, чтоб знал! Кто поможет разобраться: что сегодня читать и не читать? Наверное, критик, а может, и сам читатель. Нынешние таланты — это так очевидно — в забвении. Мало того, написанные, но не изданные книги, лежат в большинстве своём в ящиках писательских столов. Разумеется, есть среди них и такие, которые всех нас ошеломят.

— Сергей Петрович, вы были знакомы с Николаем Рубцовым, учились с ним в техникуме в Тотьме, дружили... Что думаете о том, что сейчас о нём пишут?

— В 2005 году я выпустил книгу о Николае Рубцове под названием «Россия. Родина. Рубцов». И вот, как бы чувствуя себя должником перед лириком, накануне его 80-летия, начал работать над продолжением. «Дорога в рай» — так назвал я второй том

воспоминаний. Главная их цель — закрыть как можно больше «белых пятен» в биографии поэта.

Я сознавал, что свидетелей жизни Рубцова почти не осталось. Я же высказался о нём не до конца, и было бы крайне досадно, если бы наш русский читатель не получил чего-то. Потому и поторопился рассмотреть портрет Николая Михайловича как можно полнее.

Я всегда приветствовал и приветствую документальную прозу о Николае Рубцове. Благо, она даёт нам возможность об этом загадочном человеке узнать если не всё, то почти всё. Загадочном — я не оговорился. Рубцов и сам порой не знал, что с ним случится в данный день или час. Ибо всеми его поступками зачастую руководил импульс сиюминутных эмоций, а то и мощнейших переживаний. Он мог вдруг ни с того ни с сего взять и поехать из Москвы в Вологду. И деньги с собой есть, а билет на паром или поезд не брать. Казалось, он искал на свою голову лишние приключения. В чём причина таких порывов? Никто толком не знает и вряд ли узнает.

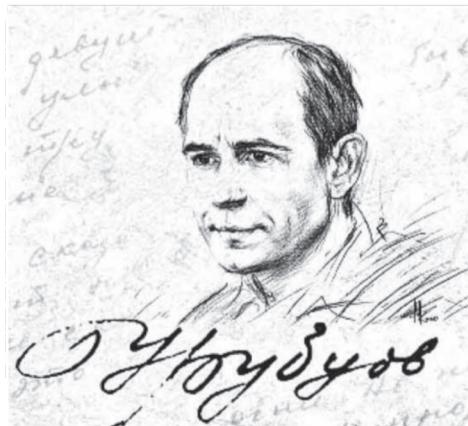
Тем не менее, находятся проворные перья, готовые объяснить все нюансы его поведения. И прибегают при этом к вымыслу, а то и к строчкам его же стихотворений, находя в них подтверждения своей фантазии.

Но ведь заложенное в поэтической строке и имевшее место в жизни — две несомнимые величины. Вымучивать из себя картинку жизни поэта, каких не было у него — это, в лучшем случае, вводить читателя в заблуждение. В худшем — клеветать на него. Не знаешь, о чём писать, стало быть, не пиши. Лично мне таких «открывателей» Николая Рубцова просто-напросто жаль.

Сергей БАГРОВ

Рассказы о Николае Рубцове

Схватки

В Тотьме, когда учился Рубцов в Лесном, он всегда и во всём норовил быть лишь первым. Где он только себя не испытывал!

На стадионе среди футболистов он торопился забить поскорее собственный гол. Носился по полю страстно, с бешеным криком и матюками.

Однако гол забивали другие. И через две-три игры к футболу он окончательно охладел.

В аудитории, на переменах среди всевозможных затей пользовалась успехом обычная схватка по-русски, когда выяснялось, кто был сильнее, и двое бойцов, жестоко обнявшись, пытались свалить друг друга между столов.

Помню, что Коля боролся едва ли не всю

неделю. По три и четыре раза на дню.

Из себя он был ничего. Ростом — метр шестьдесят. Сложением — гибок. Руки вертели, как два колеса. В пылу своих первых побед, он был готов померяться ловкостью с каждым из всех тридцати обучавшихся в группе ребят. Из многих схваток его я запомнил последнюю — с коренастым Сережей Кокиным.

Как боролись они! Не было стула, какой бы они не свалили. Не было и стола, какой бы не стонули с места. Им не хватило и перемены. Раздался звонок, и тут полетела с грохотом на пол преподавательская доска. Дверь распахнулась, и в ней показался Борзенин, наш классный руководитель. Однако его не заметил никто. И только минуту спу-

ся, когда Рубцов оказался внизу, припечтанным к полу, всё встало опять на свои положенные места — и доска, и столы, и стулья.

Николай был расстроен не оттого, что ему попенял добродушный Борзенин, а оттого, что он проиграл. После этого он ни с кем никогда не боролся: понял, что это удел не его.

Разумеется, в те подростковые годы Коля не ведал, что самые крупные схватки его — впереди, и пройдут они полем Поззии, с которого будут его вытаскивать, изгоняя, как изгоняют завистники конкурента, боясь, что он может их всех умалить и затмить. Однако поэт проявит бойцовский характер, выдержит всё и станет в конце концов тем, кем и назначено стать по роду.